

Ирина терпеть не могла табачный дым, но традиционная сигарета в постели позволяла провести еще несколько минут рядом с любовником. Валерий обнимал ее, прижимал к себе, глубоко затягивался, так что уголек разгорался сильнее, и медленно выпускал дым, стряхивая пепел в тяжелую хрустальную пепельницу, которую ставил себе на грудь, совсем близко к лицу Ирины. Они молчали в такие минуты, просто лежали и наблюдали, как белый дымок поднимается к потолку, и Ирина верила, что настанет день, и сразу после любви не придется вскакивать и бежать. Они с Валерием просто поцелуются и уснут вместе.

— Пора. — Валерий с силой потушил окурок в пепельнице и поставил ее на пол.

— Еще немножко... так хорошо... — прошептала Ирина.

— Хорошо, солнышко, но пора. Садик скоро закроется.

Времени оставалось еще порядочно, но Ирина вскочила. Надо выглядеть ответственной и заботливой матерью. И Валерий все равно идет к законной жене, какая разница, сейчас или через пять минут, с горечью подумалось ей.

Она стала одеваться, делая вид, что торопится, но в то же время разрешая ему посмотреть на себя — на легкое, стройное тело, которому роды не нанесли ни

малейшего ущерба, на прекрасные волосы и на роскошное польское белье, купленное у фарцовщиков на «Галере».

Ирина с радостью отметила, что Валерий не спешит одеваться, а так и лежит в постели, разглядывая свою подругу. «Что ж, пусть он уходит, но, ужиная рядом со своей расплывшейся супругой во фланелевом халате, он станет вспоминать обо мне, и перед сном, глядя на бигуди и жирную от крема рожу дражайшей половины, он поскорее представит меня», — злорадно подумала Ирина.

— Что ж ты не встаешь?

— Сейчас, солнышко, — Валерий улыбнулся и вдруг закурил вторую сигарету, что делал очень редко, — я просто задумался, как сильно тебя люблю.

Сердце екнуло, и руки, застегивавшие пуговичку на блузке, вдруг перестали слушаться. Неужели?

— Иринушка, ты у меня лучшая сотрудница, — сказал Валерий, — пора тебе расти...

Нет, счастье наступит не сегодня. Она отвернулась, чтобы любовник не увидел в ее лице разочарования.

— Куда расти?

— Знаешь, распишу-ка я тебе дело Мостового!

— Это маньяка, что ли?

— Ну да, можно и так сказать.

— Но там же высшая мера предусмотрена.

— Да, но дело крепкое, ясное. Тебе нужно только скрупулезно соблюсти все формальности, чтобы не было шансов на пересмотр или апелляцию, но тут я за тебя спокоен! В чем в чем, а в этом ты у меня мастер!

Ирина нахмурилась.

— Да не бойся ты! — Валерий, за разговором уже успевший одеться, коротко потрепал ее по плечу. — Зато заявишь о себе как о грамотной, принципиальной и решительной судье. В конце концов, должен же

кто-то карьеру делать, если меня попрут с должности, когда я разведусь!

«А когда ты разведешься?» Ирина едва не спросила этого вслух, но успела прикусить язык. Ей не хотелось делать карьеру, не хотелось никого приговаривать к высшей мере и вообще судить. Единственное, что она по-настоящему желала от жизни, — это быть женой и матерью семейства, и именно этого жизнь упрямо ей не давала.

Вечером, уложив сына спать, Ирина включила программу «Время» и, вполуха слушая бравурные репортажи, подумала, что уже этот вечер мог бы быть совсем другим. Вместо одинокого бдения перед телевизором мог быть приятный семейный ужин, они бы сидели за столом все втроем, Валерий, Ирина и Егорка (конечно, она бы разрешала сыну лечь попозже), рассказывали о своих делах, смеялись бы, подтрунивали над фальшивым пафосом новостей и немножко над невнятной речью генсека. Совсем чуть-чуть, потому что некрасиво высмеивать физические недостатки. Она бы испекла шарлотку или печенье «Из мясорубки», или что-нибудь еще на скорую руку. А потом, снова подумалось Ирине, они бы с Валерием легли спать вместе и могли зачать общего ребенка. Да, все это могло бы происходить уже сегодня.

Уже сегодня она могла стать счастливой, но вместо этого — только боль одиночества и тихое отчаяние. И надежда на счастье, которая то ли дает силу жить, то ли еще больнее растравляет душу.

Потому что все идет не так, как хочется, и она, будто Алиса в Зазеркалье, только удаляется от того, к чему стремится. Ирину преследовало чувство, будто все, что происходит с нею сейчас, — это не настоящая жизнь, а просто какое-то недоразумение, да и она сама словно не она, а так, черновая заготовка, спящая красавица.

И все же это не так. Хотя этот день был горек и до краев наполнен отчаянием, он никогда не повторится. Нельзя будет вернуться в него и «пережить» заново счастливой женой. Он прошел безвозвратно, как и многие другие дни ее молодости.

От этой мысли стало совсем немого, и Ирина открыла секцию в стенке, в которой хранила вино. Каждый вечер она надеялась обойтись без алкоголя, но за последний год ей ни разу этого не удалось. Бокал вина перед сном немного притуплял боль одиночества и бессилия.

«Я же не алкоголичка, — подумала Ирина после первого глотка, — просто мне очень тяжело. Если бы я сама могла что-то сделать, я бы это сделала, но остается только ждать. Как только Валерий уйдет от жены, я даже не вспомню больше про вино. Сегодня он определенно сказал, что уйдет, хотя много раз я это уже слышала. Тем более контекст какой-то странный, зачем ему, чтобы я делала карьеру? Наоборот должно быть, если он хочет на мне жениться. Я б сидела дома, щи варила, а он мне расстрельное дело сует. Будто это так просто — взять и человека отправить на смерть собственными руками. Можно подумать, у нас мужиков-судей нет на такие дела!»

Бокал опустел, и Ирина, поколебавшись немного, снова наполнила его. В бутылке осталось совсем на доньшке, значит, скоро придется покупать новую. Ирина стеснялась это делать: проходить в винно-водочный, смешиваться с толпой местных алкоголиков было стыдно, и она старалась ездить в магазины, расположенные подальше от дома и работы, покупала две бутылки, одну — белого столового вина и одну — «медвежьей крови», чтобы продавщица думала, что она готовится к застолью. И все равно казалось, что женщина за прилавком все про нее понимает, поэтому, выйдя из магазина, Ирина обещала себе, что

эта порция вина станет последней, и несколько дней думала, что сдержит обещание. Но потом вино подходило к концу. Ирина вытряхивала последние капли в бокал, заворачивала пустую бутылку в газету и прятала в сумку, чтобы утром незаметно выбросить. И в эту минуту она уже знала, что завтра пойдет в винный и перенесет унижение, потому что иначе никак не притушить отчаяния, выжигающего ее изнутри. Никак не пережить одинокий и безнадежный вечер.

Сила этой привычки пугала, и каждый раз был миг, когда рука, протянутая к бокалу, замирала на полпути, и Ирина понимала, что пить совсем не нужно. Но быстро подбегали другие мысли, о том, что это всего один бокал, и не водки, а сухого вина, которое, наоборот, полезно для здоровья. И уж точно это лучше, чем снотворное. Да и отказаться она может в любой момент. Но только не сегодня. Не сегодня. И, наверное, не завтра, но когда станет счастливой — точно!

Ирина взяла бокал за ножку и поболтала перед глазами, как делали героини иностранных фильмов, которые она изредка смотрела. Кажется, так можно определять качество вина, хотя какой там букет за два пятьдесят! Она заметила только, что наливает себе все больше и больше, начинала с «на донышке», а теперь почти до краев.

Надежда Георгиевна рассеянно слушала рассказ Василия Ивановича о городской олимпиаде по математике и думала, как быстро все-таки школа высасывает из мужчины мужское начало. Или это университетское образование? Когда Василий Иванович год назад пришел сюда работать, он примерно такой и был: со скверной стрижкой, сутулый, в дешевой обуви и непременно вязаной жилетке под не подходящими друг другу брюками и пиджаке. Всегда мел на обшлагах, а то и на лице, потому что Василий Ивано-

вич часто увлекался, объясняя материал, а потом забывал привести себя в порядок. Сейчас в моду вошли «дипломаты», дорогое, конечно, удовольствие, и достать трудно, но люди как-то исхитряются, добывают, а бедняга Василий так и ходит с потертым портфелем, невероятно похожим на бабушкин кошелек. Да весь он как его портфель — потертый, неухоженный, не старомодный даже, а какой-то старушечий.

Бывая в других школах, на совещаниях и конференциях, Надежда Георгиевна замечала на педагогах мужского пола некую печать убожества, которая проявлялась очень быстро. Да что там, даже пионервожатые устраивались на работу красивыми ладными парнями, а через месяц уже покрывались какой-то особой учительской патиной...

Только трудовика, физрука и военрука защищает мужественность их профессий и форма. Сразу не скажешь, что под синим рабочим халатом и спортивным костюмом скрываются обычные алкоголики, а военрук Юрий Сергеевич — из прежнего поколения, настоящий фронтовик, и за годы работы не обабился. Женский коллектив — сила, конечно, страшная, но куда против этого! Впрочем, Юрий Сергеевич все время проводит у себя в кабинете, как говорят дети, «в бункере». Странно, военрук — страшный зануда, и предмет у него не сказать, чтобы интересный, но вот парадокс — дети его любят, даже девочки, и соблюдают дисциплину на уроках. Надежда Георгиевна удовлетворенно улыбнулась. Господи, как хорошо, что в свое время у нее хватило ума выйти замуж за курсанта военного училища! Подружки бомбардировали ее стереотипами, что «все военные тупые», и «намыкаешься по гарнизонам», и что успешную военную карьеру делают единицы, а большинство просто спивается в разных медвежьих углах нашей необъятной Родины.

Хорошо, что у нее с детства была привычка жить своим умом, а слушай она подружек, так оказалась бы замужем за таким вот недоразумением, как Василий Иванович, а сейчас, скорее всего, уже состояла бы в разводе. Почему-то подобные ничтожества больше всех любят разводиться.

Она так замечталась, что совсем перестала слушать, что говорит ей Василий Иванович, и спохватилась, только когда между ними повисла неловкая пауза. Видимо, он что-то спросил и теперь ждал ответа. Надежда Георгиевна сдвинула брови и перелистнула лежащую на столе стопку документов, думая, как выйти из положения, но помощь пришла откуда не ждали. В кабинет без приглашения ворвалась Лариса Ильинична и завопила: «Надеждочка Георгиевна!»

Надеждочка Георгиевна поморщилась. Она терпеть не могла эту недавно появившуюся манеру обращения между женщинами: уменьшительно-ласкательное имя плюс отчество. Но терпела, потому что запрещать подчиненным называть друг друга как они хотят было бы самодурством.

— Садитесь, Лариса Ильинична, и спокойно расскажите, что случилось.

— Если вас не смущает присутствие Васеньки Ивановича, — негромко заметил последний, и Надежда не сдержалась, фыркнула.

Говорить Ларисе Ильиничне, что она занята, смысла не имело — более бесцеремонной женщины Надежда Георгиевна в жизни не встречала. В сущности, беспардонность ее достигала высот настоящего искусства и вызывала скорее восхищение, чем раздражение.

— Так я что хочу сказать, — произнесла Лариса Ильинична, с трудом уместя свое грузное тело на стуле.

Надежда Георгиевна кивнула, мол, слушаю, и посмотрела на двух сидящих напротив нее людей. Что ж,

школа убивает мужественность, но и женственность в ней тоже не расцветает. Ларисе всего лишь тридцать пять, а она уже расплылась, разжирела, носит блузки с сарафанами, потому что все другое смотрится на ее фигуре убийственно, на ногах — модные сабо, правда, не настоящие импортные, а всего лишь эстонские. Впрочем, их тоже достать не просто. Только у Лариски это не дань моде, а необходимость — не может такая туша порхать на изящных каблукках.

Сама Надежда Георгиевна в последнее время тоже располнела, ну так имеет право, ей все же срок один год исполнился. Появился зад, животик, и вообще очертания тела изменились, она превратилась в то, что называется «дама с буфетом», но это возраст, а раскармливать себя до состояния бесформенной глыбы — совсем другое дело. Одевается она в соответствии с должностью — есть финский костюм брусничного цвета, есть сарафан, есть блузки с жабо. Тоже, конечно, не символ женственности, но положение обязывает. Зато она всегда на каблуках, а в прошлом году пошила каракулеву шубку и шапочку

Так что, несмотря на возраст, лишние килограммы и руководящую должность, выглядит она много элегантнее Ларисы. Просто не сравнить. Тут Надежда Георгиевна спохватилась, что снова задумалась и не слушает коллег, и ободряюще кивнула.

— Так я что хочу сказать, — с напором повторила Лариса Ильинична, тряхнув головой. Волосы у нее были хороши, просто на зависть, но она убивала всю их прелесть несуразной стрижкой и начесом. О, если бы Надежде досталось такое богатство, она бы распорядилась им гораздо лучше!

— Этот Козельский, он вообще страх потерял! — продолжала Лариса. — Несет бред, ахинею и меня же душой перед классом выставляет!

— Как такое возможно? — усмехнулся Василий Иванович, но Лариса только отмахнулась.

— Этот наглец заявляет, что Гоголь любил своих героев и что они у него не отрицательные, а просто разные. А Плюшкин так вообще якобы трагический! Болезнь его одолела, а так он был хороший! Крепостник — хороший! Такое ляпнуть!

— Ну почему бы не прислушаться к мнению ученика? Почему не подискутировать?

— Да потому что это чушь! Весь класс понял произведение, а он не понял? И я должна тратить время класса на всякие глупости только потому, что кому-то захотелось повыпендриваться и показать, какой он особенный?

— Можно после урока индивидуально обсудить, — мягко заметил Василий Иванович.

— Да? А на кой мне это сдалось? Этот Козельский, он, на минуточку, получает бесплатное образование от Родины! Бесплатное, хочу сказать! Так пусть он подумает не о том, какие хорошие были персонажи Гоголя, а о том, что если бы он жил в другое время или в другом месте, то его родители бы на трех работах каждый пахали, чтобы он мог в школу ходить и выделяться, как вошь на гребешке. Или он сам должен был туалеты мыть, чтобы заплатить за учебу. Так я что хочу сказать, надраил бы десяток нужников, так сразу желание бы отпало рассуждать, кто хороший, кто плохой. Сидел бы и слушал учителя как миленький. Эта его наглость, это от безделья все. Да кто он такой вообще?

— Ну как кто? Победитель городской олимпиады по математике.

Надежда Георгиевна кивнула в такт словам Василия Ивановича и подумала, как хорошо, что он оказался тут и принял на себя часть негодования Ларисы.

— Я спрашиваю, кто он такой? Кто его родители? — воскликнула Лариса азартно и сама отве-

тила. — Да никто! Забуддыги вонючие! Гнать его, пока не поздно, да и все. Пусть в путягу шурует и там строит из себя академика!

Надежда Георгиевна покачала головой и улыбнулась:

— Лариса Ильинична, он действительно умен, как академик.

— А, ну так теперь ясно, откуда ноги растут! Вы с ним цацкаетесь, вот он и решил, что прямо эксперт по всем предметам.

— Послушайте, — Василий Иванович повернул стул так, чтобы лучше видеть Ларису Ильиничну, — как вы считаете, Молчалин же отрицательный персонаж?

— Ну да, а при чем здесь это?

— А Чацкий — положительный?

— Безусловно! Что за вопросы?

— В таком случае позволю себе напомнить, что «в мои лета не должно сметь свое суждение иметь» — слова не Чацкого, а Молчалина.

— И что дальше? — Лариса, до сих пор сверлившая взглядом начальницу, резко повернулась к Василию Ивановичу, так что тушь посыпалась с густо накрашенных ресниц.

— А дальше то, что мы восхищаемся смелостью суждений Чацкого, его способностью резать правдую матку, свободомыслием, свободолобием... — Василий Иванович сделал эффектную паузу, — восхищаемся и от учеников требуем восхищаться, но при этом заставляем их вести себя, как Молчалин. Несостыковочка у вас получается, Лариса Ильинична!

— Вот не надо! Везде у меня состыковочка, согласно методических указаний и учебного плана!

— Методическим указаниям и учебному плану, — мягко заметил Василий Иванович, — вы меня простите, что поправляю, но вы все-таки словесник и должны знать такие вещи.

— Короче, у меня все правильно. На почве крепостничества вырастают разные, но одинаково уродливые типы крепостников, Гоголь их обличает, и любовь какую-то тут нечего выискивать. Это у вас, Василий Иванович, какая-то несостыковочка случилась, что вы, ассистент кафедры университета, у нас оказались. Но я ж не лезу!

Почувствовав назревающий конфликт, Надежда Георгиевна постучала по столу кончиком карандаша. Сказала, что приняла к сведению слова Ларисы Ильиничны и отчет Василия Ивановича, и кивнула, мол, можете идти. «А если сцепитесь за дверь моего кабинета, то это будет уже ваше личное дело», — подумала она.

Тут раздался звонок, и Надежда Георгиевна отправилась вести химию, по странному совпадению — в тот самый класс, где учился наглый Козельский.

Выйдя в учительскую, она на секунду остановилась перед большим зеркалом в простенке и осталась вполне довольна своим видом: полная, но подтянутая, аккуратная, на сарафане ни складочки, бант на блузке не покосился, не примялся, и прическа не растрепалась. Впрочем, лак «Прелесь» дает ей на это не слишком много шансов, скрепляет намертво, превращая волосы в подобие брони. Говорят, есть какие-то другие лаки, после которых волосы не напоминают на ощупь стекловату, но даже «Прелесь» просто так не купить, а уж эти-то... И мечтать нечего!

Войдя в класс, Надежда Георгиевна сразу посмотрела, на месте ли Козельский, и, увидев парня, невольно подумала о пристрастности судьбы, которая слишком щедро одаривает некоторых людей при рождении. Возмутитель спокойствия был не только очень умным парнем на грани гениальности, но еще и красивым юношей, обещавшим вырасти в невероятно привлекательного мужчину. Обычно способные